

Вторник.

"Итак, после многолетней работы с одной и той же гастролирующей группой у вас теперь совершенно новый состав. Какую энергию это привносит в старые песни?"

Она отхлебнула чаю и посмотрела через мое плечо в окно. По крайней мере, я предположил, что она смотрела именно туда. Я не мог сказать, что происходило за ее огромными солнцезащитными очками. Она сделала паузу, чтобы закурить еще одну сигарету "Кэмел Майлд", и глубоко затянулась. После того, как она выдохнула, слегка наклонила свое лицо ко мне и пожала плечами.

Это интервью было гребаной катастрофой.

Я взял свой диктофон и остановил его, убедившись, что она может видеть, что я делаю.

"Ты хотел попробовать это снова в другой раз? Ты ведь пробудешь в городе до конца недели, верно? У нас фотосессия запланирована на четверг. Мы всегда можем снова сесть за стол до или после этого".

Снова долгая пауза. Она забарабанила ногтями левой руки по столу. В гостиничном номере не было никаких других звуков, кроме нашего дыхания и отдаленного гула кондиционера. Она сделала еще пару затяжек, прежде чем заговорить.

"Это зависит от обстоятельств. Твои вопросы все еще будут гребаной чушью?"

Я откинулся на спинку стула и потер глаза. "Мои вопросы? Ты имеешь в виду то, что у меня осталось после того, как твои люди сказали мне, о чем я мог и не мог спрашивать?"

"Если вам это не нравится, я уверен, что ваш редактор может найти кого-нибудь другого". Теперь она наклонилась вперед, положив руки на стол. Ее фирменные обесцвеченные светлые волосы были коротко подстрижены и асимметричны, беспорядочный организованный хаос соответствовал ее поведению. Ее губы были окрашены в темно-красный цвет, а в уголках, где они приподнимались в ухмылке, виднелись едва заметные морщинки. "Я не знаю, какого хрена они вообще послали ребенка делать это. Сколько тебе лет, малыш?"

"Не то чтобы это тебя касалось, но мне 24 года."

Она фыркнула. "Чертов ребенок".

"К моему возрасту ты уже выпустила два альбома".

"Да? И я тогда тоже была ребенком. И что с того?"

Я прикусил язык и на мгновение взял себя в руки. Она хотела, чтобы я разозлился, чтобы она могла отключить меня. Мое чутье подсказывало мне, что за сталью, бахвальством и рутинной примадонны она чертовски нервничала. Она выпускала свой первый альбом почти за двенадцать лет. Ей едва исполнилось 30, когда она в последний раз появлялась на обложках журналов. Она, вероятно, ненавидела то, что все называли это ее возвращением или шансом на искупление за то, что когда-то было следующим большим событием, отсюда и запрет задавать любые вопросы, которые действительно имели значение.

"Слушай, я не должен этого делать, но к черту это. Вы не возражаете, если я тоже закурю?"

"Зависит от обстоятельств. Что ты куришь?"

"Мальборо Редс".

"Я не выношу запаха "Мальборо". Напоминает мне о... неважно. Вот, можешь взять одну из моих."

Она подвинула свою пачку через стол и подтолкнула пепельницу в центр. Я взял одну, кивнув в знак благодарности, и вытащил зажигалку из кармана рубашки. Как и она, я глубоко затянулся и выдохнул, прежде чем заговорить снова.

"Хорошо, итак, мы установили, что ни одному из нас не нравятся вопросы, и вы сказали больше слов с тех пор, как я прекратил запись, чем за последние полчаса. Так о чем ты хочешь поговорить?"

"Ха! Теперь ты хочешь, чтобы я сделала за тебя твою работу?"

"Здесь ничего не происходит", - подумал я и наклонился вперед, чтобы соответствовать ее позе.

"Господи. Нет, я просто... Слушай. Я здесь не для того, чтобы хватать дерьмовые цитаты, чтобы вставить их в историю, которую я уже выбрал. Я знаю, чего хотят ваши люди, и я знаю, чего хочет мой редактор, но мне плевать. Они получают то, что я напишу. Я настаивал на этом назначении, потому что считаю, что новый альбом - это, безусловно, лучшая работа, которую вы когда-либо делали. И это огромная благодарность всем, кто думал, что знает, кем ты была как художник, или пыталась сказать, кем быть. Но я знаю, что это ставит нас в длинный список тем, о которых я не должен спрашивать, так что мы в тупике. Если только ты не скажешь мне, о чем ты хочешь поговорить, историю, которую ты хочешь рассказать."

Ее лицо застыло, и она села немного прямее. Чего бы она ни ожидала, это было не то. Она сняла солнцезащитные очки, и эти печально известные льдисто-серые глаза пронзили меня насквозь. Черт, она была прекрасна, даже более того, с тех пор, как прошла через ад.

"Ты издеваешься надо мной?"

"Вы действительно читали какие-либо образцы, которые журнал отправил вашему агенту?"

"С чего бы это мне?"

"Возможно, мы могли бы избежать этого соревнования по писанию, если бы ты это сделала. Кем бы я ни был, я не дерьмовый журналист. Я делаю это не из-за ужасных денег, и я делаю это не потому, что люди безгранично любят критиков. Так что я мог бы с таким же успехом попытаться написать правду вместо того, чтобы увековечивать еще больше отраслевого мусора. Но это зависит от вас. Ты права, ты можешь выгнать меня, они пришлют кого-нибудь другого, и у них будет тот же скучный список вопросов, что и у меня. Но, может быть, завтра или послезавтра у тебя не будет такой гигантской палки в заднице для кого-то другого".

Я не ожидал такого смеха. Он был огромным, насыщенным, исходящим из глубины ее живота, гулким и слегка надтреснутым, как в том редком случае, когда она брала большую ноту. Как певица, она была сосредоточена на чувствах, а не на технике. Как и ее голос, ее смех был сильным и каким-то болезненно реальным.

"Ну, посмотри на это, у него все-таки есть яйца! И да, я читал твои материалы, вот почему меня взбесило, что ты пришел сюда, как ребенок, пришедший взять интервью у своей бабушки для дьявольского школьного проекта. Я попросила именно тебя, потому что мне нужен был писатель, а не какой-то придурок, который хочет получить пиар-работу на лейбле".

Я помню, как пытался убедиться, что у меня не отвисла челюсть, но не знаю, удалось ли мне это. Она издала еще один из тех смешков, которые вырвались из глубины ее живота. "Эм, спасибо?" Это было не слишком красноречиво, но это было лучшее, на что я был способен.

"Слушай, я схожу с ума в этом гребаном отеле. Давай убираться отсюда. Пожалуйста, скажи мне, что ты знаешь хороший бар поблизости. И ничего из этого модного дерьма тоже. Если ты отведешь меня куда-нибудь, где вся мебель соответствует или где бармены - придурки в галстуках-бабочках, клянусь богом..."

"Нет. Да. Я имею в виду, да, я знаю одно место. Это не слишком далеко."

«Хорошо. Спускайся в вестибюль, и я буду там через 15 минут".

Тоже интересная книжка

Introduction / Нимфоманка | <https://tl.rulate.ru/book/76788>

<http://tl.rulate.ru/book/76765/2293032>

<http://tl.rulate.ru/book/292/1744>